

Почти историк

И пришли немцы

серия рассказов о Великой Отечественной войне

Почти историк И пришли немцы...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67254213

SelfPub; 2022

Аннотация

Серия рассказов о Великой Отечественной войне. Судьбы людей переплелись в жерновах самого страшного военного конфликта в истории человечества. Вы прочтаете о героях и предателях, о детях войны и простых людях, истории которых предлагаются вашему вниманию.

Почти историк

И пришли немцы...

Когда в деревню пришли немцы, то никто не удивился. Уже неделю, как мимо проходили отступающие красноармейцы. Где-то вддали шумело эхо разрывающихся снарядов, и доносились отголоски автоматных очередей. Советские воины выглядели уставшими, многие из них были ранены. Они проходили мимо, не останавливаясь, лишь некоторые из них просили попить воды.

Однажды мальчишки видели танк с большой красной звездой на башне. Танк был огромным, с толстой пушкой и внушал радостный страх. Из люка башни появился танкист. Он прокричал что-то вроде:

– Ждите! Мы еще вернемся!

Ребята долго бежали рядом с машиной, пока танк медленно не уполз за горизонт.

Изредка в небе появлялись самолеты. Они важно пролетали мимо, но деревню не бомбили, поэтому трудно было определить наши это или немцы. Война приближалась.

Немцы пришли после обеда. Сначала на улицу въехали два мотоцикла с колясками, в которых сидели люди с большими пулеметами.

– Смотри, какие у них шлемы интересные, – сказал Коля

Симонов своему другу Мишке.

– Прямо, как у викингов.

– Каких викингов? Ты хоть знаешь, кто это такие были?

– Все равно похожи!

Мотоциклисты неспешно сделали круг по деревне. Через полчаса появилась грузовая машина с солдатами и два танка с необычными белыми крестами. Они были намного меньше советского, который ребята видели накануне, и поэтому страха не внушали. Колонна остановилась в центре улицы, солдаты спешились.

Жители из дворов не выходили, но с любопытством выглядывали и пытались рассмотреть незваных гостей.

Из примерно 100 дворов около половины пустовали. Кто-то предпочел уехать в город подальше от войны, кто-то ушел с красноармейцами. Остались в основном старики, женщины, дети и с десятков мужиков.

К немцам вышел председатель Леонид Викторович. Он остановился рядом с офицером, и они о чем-то долго разговаривали. Коля Симонов, почему-то обратил внимание на блестящие пуговицы кителя командира. Они сверкали на солнце и казались очень красивыми. Остальные немцы разбрелись по деревне и принялись проверять все хаты. В дома они не вламывались, сначала культурно стучали. И если никто не открывал, тогда уже выбивали двери.

У дома деда Матвея остановились два фрица. Не спеша закурили и болтали весело о своем. И тут в одного вцепился

Гаврик и начал рвать зубами штанину вместе с ногой. Немец неистово заорал и снял с плеча карабин.

Добрее Гаврика в деревне было никого не сыскать. Этот пес любил абсолютно всех. Маленькая лохматая собака, за шерстью у которой едва различались маленькие умные глазки-пуговики. Гаврик радостно приветствовал любого жителя деревни и всегда так яростно вилял хвостом, что складывалось впечатление, что он вот-вот отвалится.

Никто так и не понял, что произошло с псом, но вцепился он в немца основательно. Фриц его тут же застрелил и отшвырнул мертвое тельце ногой.

На звук выстрела выбежал дед Матвей с карабином. Старик воевал еще с японцами, потом в Гражданскую войну. Много чего повидал за свою долгую жизнь. Поэтому отличался строгим нравом и суровым характером. Надо сказать, что он и раньше так выбегал с ружьём, когда мальчишки пытались воровать яблоки из его сада. Самые вкусные росли именно здесь. Но все понимали, что дед никогда бы не выстрелил в ребят.

Никто не знает, стал бы он стрелять в этот раз, но второй немец попал ему прямо в голову, и Матвей плавно осел на крыльцо. Так и закончил старик свой славный боевой путь.

На утро следующего дня немцы уехали. Председатель Леонид Викторович появился на улице с белой повязкой на рукаве. Он собрал нескольких мужиков в здании клуба, и они там долго о чем-то беседовали. Жизнь деревни снова

приобрела неспешный и размеренный темп. Люди вернулись к делам, их охватили повседневные хлопоты.

Коля Симонов с другом Мишкой сходили на кладбище к деду Матвею, принесли цветов. Ходить за яблоками к нему в сад теперь было стыдно.

А ближе к вечеру появились другие немцы. Они были более серьезные и почти не улыбались. Форма на них была почти такой же, но Коля обратил внимание на две молнии на петличках. Эти немцы почти ни с кем не разговаривали, по домам не ходили. Вышедшего к ним председателя они проигнорировали. Быстро расположились на ночь в клубе, выставили дозорных и легли спать.

Смеркалось, багровая заря виднелась на небе, и, кажется, наступали тучи.

– Ночью будет дождь, – сказал Колька другу.

– Надо с утра на рыбалку сходить, клев хороший после дождя будет.

– Ага, пойдем.

Деревня в последний раз ложилась спать. В деревню пришла война.

Девочка в блокадном Ленинграде

За окном нехотя пробивался унылый ленинградский рассвет. Солнца не было, зато тучи сильно хмурились и навели еще большую печаль на маленькую Эсту. Девочка лениво потянулась и встала с кровати. В квартире, кроме нее уже

с раннего утра никого не было, но четырехлетний ребенок давно перестал бояться.

Отец уехал по служебным делам, мама пошла на выдачу хлеба. Уходя, она оставила на кухонном столе тарелку, накрытую белоснежной салфеткой. Эста знала, что ей приготовлен кусок хлеба и пара отваренных картофелин. Девочка налила в кружку кипятка и принялась есть.

С улицы послышался нарастающий и мерзкий звук сирены, который вызывал не чувство боязни, а лишь раздражение. Уж очень он был неприятен для маленьких детских ушей. – Бомбят, – подумала девочка. Сирена воздушной тревоги выла каждый день и давно уже всеми в городе воспринималась как обычное явление. В этот раз звуки разрывающихся бомб доносились издалека, и опасения не вызывали.

В дверном замке повернулся ключ, и в комнату вошли папа с мамой. Отец быстро сказал:

– Эсточка, собирайся, мы уезжаем!

Папа был капитаном милиции и до войны работал в уголовном розыске. После начала блокады он принимал участие в налаживании транспортного пути по Ладожскому озеру. Мама работала в столовой, которая пару лет назад закрылась, и теперь ей приходилось каждый день проводить по много часов в продуктовых очередях. Хлеб выдавали по специальным карточкам, поэтому люди берегли их, как самое ценное сокровище.

Эста хорошо помнила, как этим летом соседка Клавдия

Владимировна рыдала несколько дней, потому что не могла вспомнить, куда дела свои талоны. Женщину было жалко, но ни у кого в доме не было возможности ей помочь.

Семья вышла из подъезда, и в лицо девочки ударил морозный зимний воздух. Людей ждала большая машина, в кузове которой сидели несколько человек. Отец помог маме с дочкой забраться на высокий борт, а сам сел в кабину рядом с водителем. Они долго ехали, петляя по серым ленинградским улицам. Эста видела разбитые дороги и разрушенные дома. Люди на их пути практически не попадались. Лишь изредка одинокие горожане торопливо перебежали дорогу прямо перед их грузовиком, не боясь попасть под колёса. Спустя примерно час машина выехала за город, водитель прибавил газу, и ехать стало чуточку веселее.

Вскоре грузовик резко сбавил скорость и остановился. Судя по всему, их путешествие подошло к концу. За это время девочка успела заснуть у мамы на коленках. Ей было почему-то очень тепло и уютно, хотя от мороза защищал лишь тент, закрывавший кузов.

Мама была, как всегда, грустной. И не потому, что у нее такой характер. Раньше она была веселой и часто смеялась. Просто два месяца назад ей пришлось похоронить свою новорожденную девочку, которой не исполнилось и года. Поэтому улыбка надолго сошла с уст матери. А Эста не успела привыкнуть к сестре, поэтому ее смерть не вызывала особенных эмоций.

Вокруг них было много таких же машин с людьми, стоявших на берегу огромного озера. У него не было берегов, а мимо суетливо бегали люди в форме и раздавали короткие указания. Папа куда-то ушел, но вскоре вернулся и приказал снова лезть в кузов. Машины медленно начали выстраиваться в колонну и поехали прямо по льду водоема. Эсте стало немного страшно. Она боялась воды и знала, что подо льдом огромная пугающая глубина.

Машины медленно поехали, но в этот раз остановок было намного больше. Эста не понимала, почему так происходит. Уже потом, спустя много лет, она узнает, что несколько машин из их колонны провалились под лед вместе с людьми. Ну а пока они продолжали ехать. Ехать, чтобы жить дальше.

Новгородский полицей

Антон Семёнович Кливцов с детства любил мечтать. Ему нравилось лежать на диване в своей маленькой уютной комнате и строить планы. А рисовал он его в самых ярких красках. Например, однажды к нему в руки попал старый потёртый журнал ещё имперских времен, в котором была красивая картинка испанского побережья. Его так впечатлили экзотические пальмы и жаркая погода, что он поставил в своей жизни новую цель – обязательно посетить эту экзотическую страну.

В школе Антон учился плохо. По многим предметам, в том числе и по географии, имел слабые тройки. Поэтому он

с трудом представлял, где находится эта самая Испания. Но был твёрдо уверен, что там намного лучше, чем в сером и заснеженном Новгороде. Он терпеть не мог свой родной город и не понимал, почему многие им так восхищались. С большим трудом ему удалось окончить среднюю школу, но работать не хотел, так как считал, что предназначен для большего. Тем более что коллективный труд не слишком привлекал молодого человека. Ему больше нравилось мечтать. Поэтому парень перебивался случайными заработками, а по вечерам возвращался в свою небольшую квартиру, в которой жил вдвоем с престарелой матерью, и отправлялся в свою комнату, чтобы планировать будущее. Он не совсем ясно понимал, каким образом будет их реализовывать, но подсознательно ощущал, что скоро в его жизни такая возможность обязательно появится.

Оккупацию города испанскими солдатами Антон Кливцов счёл знаком свыше, хоть никогда и не верил в бога. Более того, он считал, что смог поймать одним разом двух зайцев. Во-первых, появлялась возможность втереться в доверие к иностранцам, а во-вторых, теперь он мог записаться в полицию, обретя в одночасье власть над людьми. Парень не собирался упускать удачу из рук и первым делом пошёл добровольно служить к оккупантам. Его затея была проста: выслужиться перед испанцами и заработать на домик у моря. Ничего фантастического в этих планах новоиспечённый полицейский не видел, ведь даже сам испанский офицер неоднократно

ему об этом говорил. Правда, он не знал, что тот едва сдерживал презрительную улыбку, общаясь с глупым русским. Ничего, кроме насмешек, Антон не вызывал, а его желание во всём угодить воспринималось, как крайняя степень лизоблюдства. Но молодой новгородец продолжал упорно идти к своей цели, не брезгуя абсолютно ничем. Он провожал домой пьяных испанцев, которые не могли самостоятельно покинуть питейное заведение. Частенько получал от них по лицу просто за то, что он местный житель. Бывало, что ему приходилось чистить обувь надменным офицерам. Некоторые из них милостиво угощали Антона заморскими папиросами, а тот со щенячьей верностью заглядывал им в глаза, пытаясь найти в них для себя благосклонность и милость.

Ситуация на фронте внушала оптимизм: Ленинград вот-вот падёт, неудача под Москвой не остановила немцев, и они уверенно продвигались на Кавказ и Волгу. Совсем скоро война закончится, и тогда он сможет, наконец, осуществить свою мечту и уехать в Испанию. Полицай зашёл в свою комнату, повесил ружьё на спинку стула, блаженно развалился на диване и мечтательно улыбнулся.

Никто не хотел быть штрафником

Бывший сержант Красной армии Николай Павлович Наумов считал, что был наказан несправедливо. Бойцы, которые находились в его штрафной роте, совершили более тяжкие проступки и преступления. Кому какое дело до той старой

бабки с бидоном молока? Ну, взял он этот бидон...ничего же страшного не случилось. У старушки, скорее всего, есть корова, и молока сколько хочешь. Но надо же было такому случиться, что мимо проходил новый командир взвода, совсем молодой младший лейтенант, недавно ещё сидевший за школьной скамьей. Сержант Наумов был уверен, что юный командир даже не начал бриться, но уже отличался строгим характером и принципиальностью.

Увидев, как его подчинённый пытается силой отобрать у старушки бидон, он побагровел и вспыхнул от гнева. Лейтенант подбежал к Николаю и оттащил в сторону за рукав. Он не стал кричать и брызгать слюной, но на следующее утро Наумова вызвали в особый отдел, а после отдали под трибунал. За какое-то молоко его приговорили к месяцу штрафной роты. Коля, конечно, понимал, что поступил нехорошо, но своё наказание считал чересчур суровым. Вон, бывший красноармеец рядовой Шумаков по пьяной лавочке избил майора, командира полка. Такой поступок Николай считал достойным наказания штрафной частью.

Он находился в роте уже третий день, но пока ничего серьёзного не происходило. Они сидели в окопах неподалёку от Сталинграда, и такое положение дел бывшего сержанта устраивало. Ему не сильно хотелось идти в бой после того, чего он наслышался про штрафников. Но пока на удивление, всё было спокойно. Их не бросали без оружия на немецкие окопы и не заставляли идти в атаку по минному полю.

Внезапно, солдат задумался и устыдился. Плохо так рассуждать. Пока он здесь сидит, кто-то рискует своими жизнями и бьётся с врагом. А он радуется, что прошли три дня из отведенного месяца. Нехорошо это. Хотя он и не тешил себя иллюзиями, что в штрафной роте будет служить спокойно.

И уже на следующий день они атаковали позиции гитлеровцев при поддержке танков. Атака не увенчалась успехом, но, как впоследствии узнал боец, их истинной целью было отвлечение внимания немца от направления основного удара. А он то, как раз прошёл успешно. Их рота в том бою потеряла 17 человек, но Коля знал, что эти жертвы не напрасны. Войны так и выигрываются, что одни бегают по передовой, а другие обеспечивают их всем необходимым. Перед тем, как здесь оказаться, бывший сержант служил водителем, и практически всё время находился в тылу. Теперь же он занял место тех товарищей, которые сложили голову в этих приволжских степях. И кому-то нужно бы их заменить.

Николай провел в штрафной роте две с половиной недели, получив во время немецкой бомбардировки лёгкое ранение. После выписки из госпиталя он вернулся в свою часть и снова сел за баранку автомобиля. Вместе со своей «полуторкой» уже дошёл до Берлина и больше никогда не относился с пренебрежением к своему поведению.

В тиши белорусских лесов

Кукушка молча смотрела на партизана, и, казалось, со-

всем его не боялась. Птица не отводила взгляда от лежащего на снегу человека – ей было интересно, что делает он один в лесу, когда на улице так холодно и кругом ни души. Человек лежал неподвижно, раскинув руки в разные стороны. Его лицо смотрело прямо в ясное зимнее небо, но редкие снежинки, падавшие с деревьев, уже не таяли на нём. Глаза солдата были ясными и голубыми, как это самое небо, и больше не закрывались. Партизана и красноармейца Василия Жука уже не было на этой земле, истерзанной войной. Сейчас он находился где-то там, в небесах, куда так пристально был направлен взор его угасших глаз.

Кукушка перелетела на другое дерево и смогла рассмотреть человека поближе. Любопытство пересиливало страх, да и, по всей видимости, лежащий на земле, не представлял серьёзной угрозы. На нём была одета армейская шинель со знаками различия капитана РККА, на ногах старые потрёпанные валенки, а в руках винтовка «Мосина». Если бы кукушка понимала всё это, то могла бы очень сильно удивиться. Ведь в этой местности давно хозяйничали люди в другой форме, говорившие на другом языке. Что делал советский офицер в самом логове врага?

Ещё осенью Василий Жук принял решение, что отступить и выбираться к своим не будет. Когда была разгромлена его часть, то офицер решил сражаться до конца, и ушёл в лес. Там наткнулся на группу красноармейцев, с которыми и остался в этих местах. Дело было недалеко от Витебска,

который находился в руках немцев. Их отряд отличался от многих подобных тем, что практически полностью состоял из кадровых военных. Многие солдаты и офицеры сбивались в небольшие группы и пытались выходить из окружения. Одним это удавалось сделать, другие были разгромлены немцами, третьи прятались в лесах и начинали партизанить.

Его группа существовала уже несколько месяцев и вела успешную партизанскую борьбу с оккупантами. Но капитану Жуку не повезло. Его выдал предатель. Всё начиналось вполне буднично. Он отправился за продуктами в одну из многочисленных соседних деревень, жители которых оказывали помощь его отряду. Красноармеец понимал, что не всем им можно доверять, но другого выбора не было. Наступила холодная зима, и продукты стало очень трудно добывать. Местный кузнец Василь Кунцевич сразу не понравился капитану. Он был излишне дружелюбен и всегда натягивал на лицо поддельную улыбку. Таких людей Жук чуял за версту и старался обходить стороной. Но кузнец был крайне необходим их партизанскому отряду, и приходилось сотрудничать с ним на свой страх и риск. Вот и сейчас капитан должен был забрать у Василя новый котёл для еды, так как старый пробило осколком снаряда во время одного из немецких рейдов.

Весь день партизан находился в состоянии тоски и смутной тревоги, чувствуя опасность. Но выбора не было, и пришлось идти на встречу с Кунцевичем. А тот, как оказалось позже, уже давно сотрудничал с полицией и лишь ждал

удобного момента, чтобы сдать партизана поважнее. Так и попал в засаду капитан РККА, из которой он сумел выйти, но с уже пулей в боку. Он сразу понял, что далеко не доберется, поэтому пошёл в противоположную от своего отряда сторону, чтобы замести следы. Силы покинули бойца через несколько километров, и он решил просто прилечь отдохнуть на пару минут. Да так и остался лежать с раскинутыми в стороны руками и ясным взором глаз, обращённым в мирное белорусское небо.

И пришли венгры

Ночью из деревни ушли немецкие солдаты. Они находились здесь всего несколько часов и не собирались оставаться надолго. Света догадалась об этом, когда гитлеровцы не стали глушить моторы и не отходили далеко от своих грузовиков. Они наспех осмотрели все деревенские хаты и, не найдя для себя ничего интересного, двинулись дальше. Удивительно, что они никому не сделали ничего плохого. Девушка была наслышана о зверствах фашистов. Видно было, что эти солдаты очень спешили, и никто из них даже на нее не взглянул. Света выдохнула с облегчением. В мыслях она уже неоднократно рисовала для себя страшные картины того, что могут сделать с ней оккупанты. На деле же всё оказалось не так серьезно. Военные покинули деревню, которая снова наполнилась мирной жизнью. Люди выходили из домов и занимались своими насущными делами.

Стоял жаркий июньский день, окутанный приятной тишиной, и о войне совершенно ничего не напоминало. Несколько дней назад мимо прошли советские части, но к ним заходить не стали. Девушка решила, что им было стыдно смотреть в глаза жителей за своё отступление, поэтому они решили обойти деревню стороной. Она издали смотрела на изнеможённых красноармейцев и испытывала к ним жалость. Многие были ранены, и дорога давалась им с большим трудом. Сколько же сложностей и лишений довелось испытать этим людям? Наши солдаты ушли, но молоденький рядовой, который забегал за водой, сказал, что они обязательно вернуться. Только когда это произойдёт?

Молодая девушка задумчиво посмотрела вдаль. Её дом стоял на окраине деревни, и из окон хорошо просматривались все окрестности. Вдали показались фигуры солдат, и послышался нарастающий гул моторов. Света подумала, что это очередная немецкая часть, но такого страха, как в первый раз, уже не испытывала. Ей вдруг стало казаться, что враг не такой страшный, как его описывали другие люди. Но на всякий случай она закрыла дом изнутри и украдкой стала смотреть сквозь занавеску на происходящее за окном. На улице показались солдаты, но их форма отличалась от немецкой, да и говорили они на другом языке. Эти вели себя очень шумно и постоянно смеялись.

Вдруг навстречу одной из машин выбежал местный юродивый Мишка, который всех новых гостей старался встре-

чать по древнему обычаю с хлебом и солью. Только его каравай был сделан из земли и сверху украшен одуванчиками. Все знали Мишку и относились к нему по-доброму. Многие сельчане старались поддерживать его игры и никогда не ругали парня.

Увидев такое подношение, военные громко засмеялись, и один из них произвёл выстрел из винтовки. Мишка молча осел на землю и упал, раскинув руки в стороны. Смех возобновился с новой силой, и солдаты слезли со своих грузовиков. Некоторые из них сразу начали гоняться за различной деревенской живностью. Эти погони сопровождались улюлюканьем и подбадриванием охотников. Другие стали грубо ломиться в хаты и выбивать ногами двери с окнами. Дед Пантелеймон, который пытался с вилами отогнать незваных гостей от своего дома, получил пулю прямо в сердце. Света смотрела на всё это и леденела от ужаса.

Военный в фуражке выволок за косу из соседнего дома её подругу Нинку и потащил в амбар. Она кричала и сопротивлялась, за что получала неоднократные пинки сапогами. Светка в панике осмотрелась. На столе лежал небольшой нож, которым она обычно резала яблоки. Девушка схватила его со стола и сжала так, что пальцы на руках побелели. Её сердце было готово выскочить из груди, а в глазах потемнело от напряжения. Она беспомощно уставилась на дверь, когда в неё грубо постучали. Раздались удары и грубая брань, единственное препятствие, отделявшее её от военных, вот-

вот сломается. Света села на стул и безнадежно опустила голову.

Командир потерял рассудок

«Пусть земля ему будет пухом», – подумал Алексей, кинув по старинному обычаю в неглубокую могилку горсть земли. Несмотря на острую неприязнь к человеку, которого они только что похоронили, сержант РККА испытывал чувство глубокого сожаления. Уход любого человека – это трагедия, и не важно, каким он был при жизни. Так рассуждал молодой красноармеец, прощаясь с бывшим товарищем по оружию. Причём он был вынужден расправиться с ним собственноручно. И виной тому стала отнюдь не кровожадность советского солдата. Просто шла война, а на ней, как известно, нет места предательству. Лежащий в могиле человек совершил ошибку, решив сдаться в плен к немцам, за что и поплатился своей жизнью. Одно дело, если бы он подставлял только себя одного. Но, собираясь уходить в сторону врага, он ставил под угрозу всю их группу, которая уже третьи сутки пыталась выйти из окружения.

Сержант Алексей Ванюшкин был мехводителем танка БТ-2, который остался дымиться где-то в районе советско-польской границы. Его дивизия была брошена в контратаку без поддержки авиации и артиллерии. Ко всему прочему, все подразделения корпуса вводились в бой не единым мощным ударным кулаком, а поочередно, поэтому быстро уничтожа-

лись врагом. В результате немцы, существенно уступая в технике, без особого труда расстреливали советские боевые машины, с дальних дистанций при помощи 88-мм зенитных орудий. Прямо как в тире.

Алексей был в шоке от того, как быстро растаяло их огромное преимущество перед немцами. Он даже не понял, как поразили их танк. Просто в определённый момент машина перестала слушаться рычагов, резко встала, как вкопанная и задымилась. Никто из экипажа не пострадал и все без труда смогли покинуть железный гроб. Картина, представшая перед их глазами, ужасала. Всё поле было сплошь и рядом было усеяно дымящейся советской техникой. Кое-где виднелись суетливо бегающие фигуры людей. Это были экипажи израненных машин, которые искали спасения от прицельного огня противника. Многим удалось укрыться в близлежащем лесу. Ситуация осложнялась тем, что враг продолжал наступление, взяв в кольцо остатки их корпуса. И теперь танкистам предстояло выбираться из окружения, но никто не знал, в какую именно сторону нужно идти.

Красноармейцы сбивались в разношёрстные кучки, состоявшие преимущественно из пехотинцев и танкистов, и принимали решение продвигаться на восток по ночам. Некоторые из них, которых, впрочем, было меньшинство, сдавались в плен добровольно. Большинство же попадали туда не по своей воле, попросту натыкаясь на вражеские войска. Человек, лежащий сейчас в могиле, был командиром тан-

ка. Командиром, который с самого начала стал подначивать остальных сдать в плен. Мол, сопротивление не имело никакого смысла, а если и удастся добраться до своих, то их расстреляют, как трусов и предателей.

Алексей меньше всего ожидал услышать такие слова от зрелого тридцатилетнего офицера, поэтому поначалу старался не вступать в споры со старшим лейтенантом. Но со временем его уговоры переросли в нытьё, сопровождавшееся приступами паники. Он несколько раз порывался уйти ночью из лагеря, но все понимали, что отпускать командира ни в коем случае нельзя. С большой вероятностью он без промедления выдаст немцам остальных членов отряда, который всё больше приобретал черты полноценного партизанского соединения. Они прорывались к своим с тяжёлыми боями, а этот хлюпик был готов всех сдать в обмен на спасение своей шкуры.

Поэтому в одну из ночей, когда мехвод Ванюшкин стоял в карауле, он решил пресечь очередную попытку бывшего командира сбежать с помощью винтовочного выстрела. Сержант посчитал, что давно пора было это сделать, и лучше станет абсолютно всем, включая самого старшего лейтенанта. Товарищи не проронили ни слова и с молчаливым одобрением отправились рыть могилу для потерявшего рассудок офицера.

Комбриг был уверен в скорой победе

В ноябре 1939 года в Ленинграде было очень холодно. Листья с деревьев уже опали, и мороз тут же дал о себе знать. Не было длительных и унылых осенних дождей, а, следовательно, грязи и распутицы. Снег укрыл пушистым белым ковром ленинградские улицы, дороги схватились морозом и превратились в надежные трассы.

Комбриг Леонид Гаврилович Воробьев смотрел на зимний пейзаж сквозь стекло своего служебного автомобиля. Он хоть и родился в январе, но морозы переносил плохо, поэтому всегда с сожалением ожидал наступления очередной осени. Недавно он вернулся из монгольской командировки, где консультировал местных военных по тактике танковых боев. В августе там стояла невыносимая жара, что устраивало командира намного больше, чем промозглая ленинградская погода.

Леонид Гаврилович был очень молод для своего высокого звания и относился к новой военной элите, которая выбилась в люди после чисток 30-х годов. Воробьеву было всего 35 лет, и он являлся убежденным коммунистом. В силу возраста ему не довелось побывать на фронтах Гражданской войны, зато Леонид активно участвовал в строительстве новой страны после её окончания. С большим энтузиазмом он отправился на службу в РККА, окончил танковое училище и совершил стремительный взлёт по карьерной лестнице: от командира машины до командующего бригадой.

Уверенности в своих силах придавал боевой опыт, полу-

ченный в боях с японцами на реке Халхин-Гол. Там его бригада успешно выполняла поставленные перед ней боевые задачи, а её командир был замечен в самом Кремле. Поэтому сейчас, накануне войны с Финляндией, офицер не испытывал какой-либо серьезной тревоги. Он уже успел убедиться в мощи советских танков, которые в состоянии взломать любую оборону противника. Ему было известно о финской полосе укреплений, сооружённой под руководством бывшего генерала царской императорской армии Маннергейма, но она не вызывала серьезного опасения. Комбриг даже успел вкратце ознакомиться с донесениями разведки об основных участках финских позиций. До наступления оставалось ещё несколько дней, но для успешной и молниеносной войны, по его мнению, всё уже было готово.

Правда, немного тревожили прогнозы метеорологической службы, о предстоящей холодной зиме. И в связи с этим было бы не лишним дополнительно утеплить красноармейцев, отправляющихся воевать с Финляндией. Но Воробьев был уверен, что руководству армией обо всем хорошо известно, и соответствующие распоряжение уже поступили в службы снабжения.

Предстоящую операцию молодой командир рассматривал, как очередной трамплин к новому карьерному взлёту. Он уже представлял себя в должности комкора или даже командарма. А почему бы и нет? Быстрая победа над финнами окончательно убедит руководство страны, что будущее

за молодыми офицерами, а не старыми царскими вояками, многие из которых, между прочим, воевали в Гражданскую на стороне «белых». Неудивительно, что большинство из них оказались предателями и иностранными шпионами, за что и были справедливо репрессированы.

Офицер снова задумчиво посмотрел в окно. Жители Ленинграда куда-то суетливо спешили, трамваи с громким скрипом пересекали проспекты. Было видно, что город жил. Разве можно допустить, чтобы граница с недружественной Финляндией находилась в такой близости от Ленинграда? Поэтому решение о войне является абсолютно верным и необходимым, а уж они, офицеры нового поколения, добудут новую громкую победу для страны. Комбриг оторвал свой взгляд от окна, откинулся на удобное сидение и устало закрыл глаза.

Неадекватные венгры

Виктор Павлович смотрел на лежащего у дороги человека. Он не мог оторвать взгляд от этого зрелища, а разум не хотел верить в произошедшее. Тот, кто сейчас беспомощно распластался на земле, ещё недавно был его соседом по лестничной клетке Колей Савиным. То, что с ним произошло, вызвало глубокий шок, ведь совершенно ничего не предвещало беды. Все знали, что война неумолимо приближается к городу, поэтому были готовы к появлению врага. И когда оккупанты торжественно вошли на центральную площадь, то

произвели впечатление вполне нормальных людей.

Некоторые из них проявляли дружелюбие, заигрывали с мальчишками и строили глазки женщинам. Только они были не немцами, а, судя по языку, скорее венграми. Виктор Павлович уже слышал, что вместе с армией Гитлера в его страну вторглись и другие народы, включая венгров, румын и итальянцев. И пришедшие в город мадьяры не выглядели враждебными или воинственно настроенными. Горожане, ожидавшие их появления с нескрываемой тревогой, теперь заметно расслабились и повеселели. Многие из них вернулись к своим повседневным делам.

Коле Савину было 16 лет, и во дворе его все любили. Он отличался озорным и добрым характером, но в то же время никогда не отказывал в помощи. Местные бабульки частенько ворчали на парня, но не забывали при этом отмечать его стремление помогать людям. Парень часто разгуливал по небольшому городку в «будёновке», в которой его отец воевал в Гражданскую войну.

Коля очень гордился своим головным убором, уже почти вышедшим из моды. Для мальчика он был единственной памятью об отце, так и не вернувшемся с войны. Когда пришли венгерские солдаты, то многие соседи советовали Николаю от греха подальше убрать «будёновку» в шкаф. Но парень со свойственной ему доброй улыбкой успокаивал сердобольных тётенок и убеждал их, что бояться совершенно нечего. Юноша совершенно ничего не знал об ужасах войны,

и вошедших в город иностранных солдат, воспринимал если не как гостей, то уж точно не врагами. С рождения он был воспитан в доброте и заботе, поэтому практически не видел зла.

Венгерский офицер, стоявший на противоположной стороне улицы, что-то громко крикнул. Немногочисленные прохожие испуганно искали глазами того, кому был адресован гневный монолог оккупанта. Оказалось, что тот заметил сидящего на лавочке парня в «будёновке» и требовательно подзывал к себе. Но Коля не слышал этого призыва и продолжал беззаботно рассматривать цветной журнал, который держал в руках. Командир сыпал всё новые угрозы в адрес парня, и свидетели этого события спешно покинули улицу.

Видя, что его проклятия не достигают цели, и юноша продолжает заниматься своим делом, венгр подозвал к себе двоих солдат и что-то приказал им, возмущённо размахивая руками. Те подбежали к скамейке, подхватили ничего не понимающего Кольку за руки и потащили к своему командиру с багровым от напряжения лицом. Парня поставили прямо перед иностранными солдатами, которых возмутил его головной убор. А офицер и вовсе принял его за красноармейца, не успевшего отступить с остальными частями РККА. Коля Савин хоть ничего и не понимал, но смотрел на этих людей без тени страха. Его карие глаза выражали лишь легкое недоумение, вызванное причиной гнева пришельцев.

Тот факт, что юноша не испытывал страха, вызывал всё

большую агрессию офицера. Двое солдат смотрели на молодого человека с нескрываемыми усмешками, словно зная, чем всё может закончиться. В конце концов, крики венгра стали больше напоминать истерику, он вытащил из кобуры пистолет, приставил к Колькиной голове и нажал на спусковой крючок. Всё это действие заняло не больше секунды, и парень молча повалился на дорогу, а в его глазах навеки застыло недоумение.

Виктор Павлович смотрел на разыгравшуюся драму сквозь кухонную занавеску, боясь пошевелиться. Когда произошёл выстрел, то его лицо побелело. Он нервно комкал в руках края скатерти, отказываясь верить увиденному. И лишь когда венгры ушли, он осторожно выглянул во двор и подошёл к юноше, стараясь не смотреть на его лицо. В таком положении он простоял несколько часов, пока прибывший патруль из местных полицаев с грубыми ругательствами не отогнал его от тела соседа.

Колька

Колька с раннего детства мечтал стать пограничником. Он жил с матерью в небольшом городке рядом с польской границей и часто встречал бравых ребят в зелёных фуражках. Их внешний вид внушал чувство уверенности, они выглядели очень впечатляюще – высокие, с гордыми непримиримыми взглядами и твёрдой уверенностью в глазах. В свои 10 лет Колька хотел быть таким же.

Но жизнь распорядилась по – другому. В первые дни войны все пограничники погибли. Малец видел только двоих тяжело раненых бойцов, которых отправили на попутках в киевский госпиталь. Остальные же так и остались на своих заставах, не отступив назад.

К июню 1941 года Николая уже нельзя было назвать мальчиком. Он вырос, возмужал, приобрел крепкую фигуру и широкие плечи. Школу окончил с отличием, и собирался поступать в московский политехнический институт.

Но мечту пришлось отложить. Началась война, и им с матерью пришлось уехать в Тулу, к двоюродной тётке, жившей в маленькой однокомнатной квартире. В 1942 году, справив своё восемнадцатилетие, он записался добровольцем на фронт и попал в связисты. Колькиному горю не было границ.

– Ну как же так? – спрашивал он у мамы.

– За что мне такое невезение? Все пацаны ушли. Кто в десантники, кто в моряки, кто в танкисты. А мне что досталось? Сидеть в тылу и за связью следить?

Если бы он тогда знал, как сильно ошибался! В представлении молодого паренька служба в связистах представляла собой ежедневное просиживание за радиостанцией с редкими отлучками по нужде. Но в действительности всё вышло совсем иначе.

Николай улыбнулся и прервал свои воспоминания. Сейчас для подобных рассуждений был не самый подходящий момент. Ситуация, в которую он попал, наоборот, должна

была вызывать чувство отчаяния и безнадёги.

Молодой ефрейтор вжался в землю у маленького кустика на опушке леса. Впереди, на расстоянии 50 метров, стояли два немца, которые ничего не подозревали об его существовании. Они мирно беседовали, и, вероятнее всего, обменивались весёлыми шутками. Об этом свидетельствовал их громкий смех. Но Коле было совсем не смешно. Он выполнял ответственное задание, а эти двое всё портили. И заметил он их слишком поздно, так что пришлось прятаться под первым попавшимся кустом на открытой и хорошо просматриваемой местности.

Мысли проносились в голове советского бойца быстрее молнии. И ладно, если бы эти мысли были по делу. Так нет же! Как назло, лезли совсем неуместные воспоминания. Например, случай, когда его впервые отправили восстанавливать связь на передовую. Именно тогда молодой человек впервые понял, куда попал на самом деле. Пехотинцы, десантники, разведчики – они, конечно, все молодцы. Но ты попробуй наладить линию под самым носом у немца, когда вокруг тебя свистят пули и снаряды! Враг был так близко, что при желании можно было запрыгнуть в окоп и разглядеть детали нацистских лиц. Из той передраги Колька выбрался с достоинством – и задание выполнил, и невредимым остался. А ещё он сделал для себя важный вывод: работа связиста – самая опасная и ответственная. Именно с того момента он перестал переживать, что попал не в тот род войск.

После первой вылазки он выполнил ещё много заданий. Со временем чувство страха ушло, и парень смирился с мыслью, что может погибнуть в любую минут. И воевать стало сразу легче. Было ранение под Харьковом, госпиталь, короткий роман с симпатичной сестричкой, возвращение в свою часть.

И вот первая миссия после возвращения из госпиталя. И сразу такая ситуация. И вперед нельзя, и назад. Но решение принимать нужно. Связь нужна срочно – утром наступление. Стрелять в немцев нельзя. Выстрелы обязательно услышат и тогда провал. Нож, остается только нож. Но это же так ненадёжно! Николай никогда не умел хорошо обращаться с холодным оружием. Он понимал, что в его случае умение пользоваться ножом остро необходимо. Но как-то не получалось. В дерево метал с 3-4 раза, да и вообще не любил ножи.

– Вот и настал момент для подвига, – прошептал он еле слышно. Под ложечкой засосало, и им стало овладевать чувство тревоги. Впервые на фронте боец был не уверен в себе. Шестое чувство настойчиво шептало на ухо: «Не делай этого, Коля, не надо»!

Но другого выхода не было. Вернуться назад он не мог, как не мог и обойти фрицев. Эти два гада стояли прямо на месте обрыва связи и ничего не подозревали. Им даже в голову не могло прийти, какую огромную роль они сейчас играют в предстоящем наступлении Красной армии на этом участке. Точнее даже не они, а их баварские жизни. Две немецкие

души в обмен на возможность наступать. Разве можно при таком раскладе вернуться к своим с невыполненным заданием?

Николай стёр пилоткой пот, застилавший глаза, достал из голенища сапога армейский нож среднего размера, и медленно пополз в сторону немцев.